

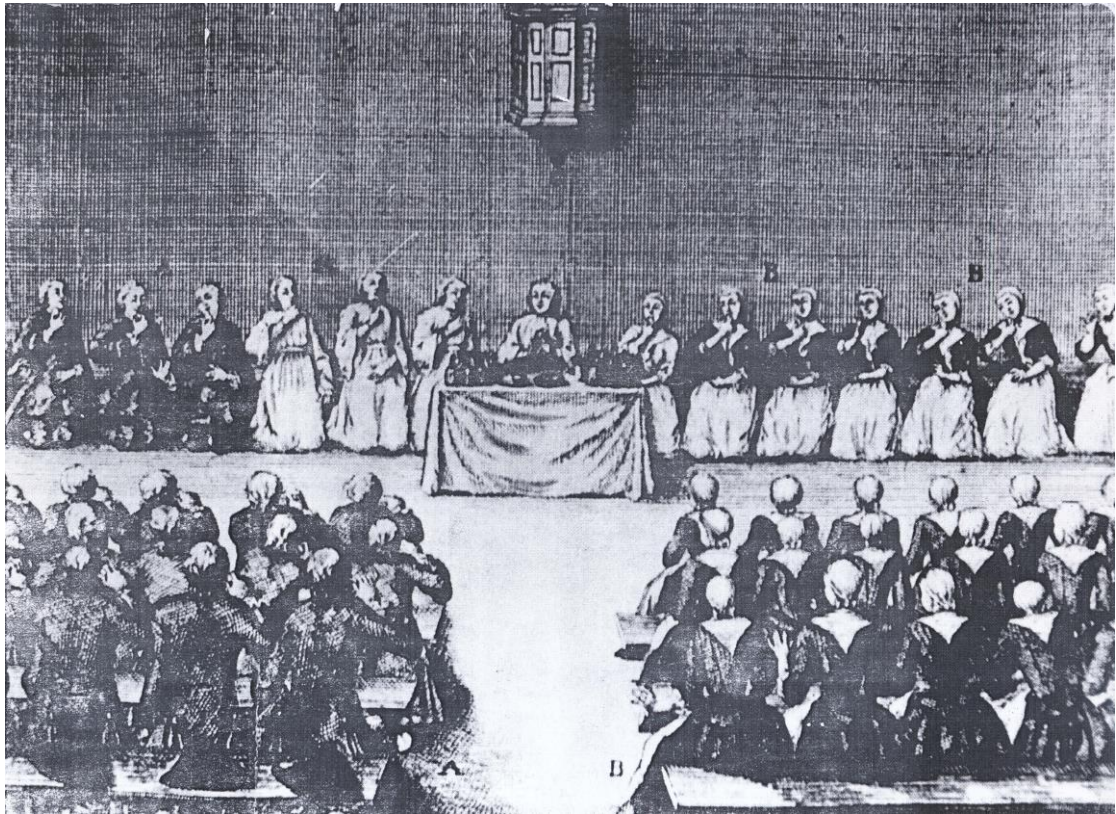
ИСТОРИЯ ЕВАНГЕЛИЧЕСКО-ЛЮТЕРАНСКОЙ ЦЕРКВИ САРЕПТЫ

Во второй половине XIX века началось активное переселение немецких семей из Поволжских колоний Саратовской губернии в Сарепту. Они переселялись целыми кланами. В основном, это потомки тех первых колонистов с нагорной стороны Волги, которым еще в XVIII веке проповедовали сарептские миссионеры. Образованные филиалы Сарептской общины в Бальцере, Гололобовке, Лесном Карамыше, Норке, Нижней и Верхней Добринке, Линевом Озере, Крестовом Буераке и т. д. становились частью Гернгутской-Сарептской общины. К середине XIX века социально-экономическое положение жителей Саратовской губернии ухудшилось. Люди ехали в еще благополучную Сарепту с надеждой получить работу со стабильной зарплатой, чтобы дети обучались в хорошей школе и в дальнейшем могли получить профессию. Они ожидали найти здесь крепкие добрые моральные и нравственные устои, пробужденную церковь. Постепенно за крепостной стеной Сарепты был построен целый поселок. Вспыхнувший в Сарепте конфликт в конце 80-х – нач. 90-х гг. XIX века о разделе церковного имущества был развязан именно этими переселенцами. Он был так глубок, задействовано правительство России, что повлекло за собой длительное разбирательство, тяжбы, противоречия и непонимания, так что Гернгутская Дирекция вынуждена была объявить в 1892 году Сарептскую миссию закрытой и отозвать своих представителей назад, в Германию. Сарепту покинуло около 200 человек. От гернгутеров на постоянное жительство в России осталось около 350 человек. Это те, которые породнились с русскими, татарами, поволжскими немцами или имели фабрики, заводы, другие производства и им было невозможно оставить свое дело, дома, сады, скот, привычный образ жизни. Уехала в основном

«верхушка»: пасторы, форштеер, члены церковного и административного советов, учителя, врачи. Последний пастор, епископ Пауль Маркс, произнес свою прощальную проповедь в кирхе и 20 мая 1893 года вместе со своей семьей, пастором Зайлером и некоторыми другими попутчиками покинул Сарепту.

Период с 1893 по 1914 годы является самым малоизученным в истории Сарепты. Не сохранилось никаких воспоминаний местных жителей. Скорее всего, Сарепта вела тихую, размеренную жизнь маленького провинциального городка. До наших дней дошли воспоминания сторонних наблюдателей, посетивших Сарепту из праздного любопытства или из желания узнать обстоятельства, тонкости и детали ее жизни, чтобы открыть их широкой российской публике. Некто, Абаринов Николай Николаевич – журналист, публицист, составитель многих путеводителей по России, Турции, Кавказу, Крыму, Египту, Палестине и др., писавший под псевдонимами Рейхельт, Путник, Лендер, посетил Сарепту в 90-х годах XIX века. Он нашел ее совершенно уединенной, закрытой от посторонних глаз уникальностью расположения, удаленной от шума и суеты крупных городов, окруженной плотным кольцом садов, виноградников, табачных, арбузных и дынных плантаций и искусственно выращенным леском. При въезде в Сарепту, увидев маленькие опрятные белые домики, окруженные чудесными деревьями и кустарниками, от которых веяло тишиной, покоем, он подумал: «Как здесь мило и уютно...», внутренне поблагодарив судьбу, которая привела его в этот таинственный немецкий уголок. В Сарепте его удивляло все: устройство поселка с центром на Церковной площади, чистота и ухоженность улиц, общественные парки, фонтаны, крытый бассейн, множество заводов и фабрик, искренние, добродушные и приветливые люди, их трудолюбие и усердие. Особенно подробно он описал посещение церковного богослужения в кирхе. «Но вот в вечернем воздухе раздался нежный, мелодичный, медленный и тихий звон. Улицы оживились: там и сям двигались группы благочестивых гернгутеров, направляющихся с молитвенниками в руках в свою лютеранскую церковь». Лендер поспешил за ними до Церковной площади, где располагалась кирха. Некоторое время он наблюдал, как по площади со всех сторон поселка к храму спешили женщины и мужчины. Его очень заинтересовало, что женщины входили в одну дверь, а мужчины в другую. «Все шли молча, сосредоточенно, не проронив ни одного слова. Это серьезное религиозное настроение и окружающая тишина производили какое-то особенное впечатление. Вот вошли последний мужчина и последняя женщина – и двери церкви закрылись, а через две-три минуты я услышал звуки органа и стройное пение. Орган и пение сарептян сливались во что-то глубоко-трогательное. Звуки далеко-далеко разносились в вечернем теплом воздухе и словно таяли в вышине». Лендер отметил высокую дисциплину посетителей церкви, отсутствие опоздавших, прилежность и постоянство в молитве. Далее он пишет: «Я никогда не забуду того впечатления, которое произвело на меня посещение лютеранской церкви в Сарепте.

Богослужение гернгутеров в Сарепте II пол. XVIII в.

Церковь небольшая, но очень удобная и просторная с местами для молящихся внизу и на хорах. Внизу размещались, главным образом, воспитанницы и воспитанники двух местных немецких школ: на одной стороне – девочки в простеньких платьицах с особенными чепчиками на голове и с молитвенниками в руках, по другую – садятся мальчики. Все тихо, бесшумно, в полном порядке. На хорах размещается большинство колонистов: с одной стороны – женщины, с другой – мужчины». Местный пастор, обведя взором собравшихся прихожан, начинает свое богослужение. Он был прекрасным проповедником и оратором, способным тронуть сердца людей. К тому же слова пастора чередовались со стройным пением общины под сладкие торжественные звуки органа. Лендер писал: «В отворенные наверху окна смотрит тихая теплая южная ночь. Изредка пробежит живительная струйка ветерка и послышится шелест трепещущих тополей. Медленными тяжелыми раскатами несется то мощное, то тихое и замирающее гудение органа. Все смотрят в молитвенники, набожно поют, в общем стройном хоре выдаются свежие молодые голоса детей. Пока идет богослужение, никто не проронит ни слова, никто не обернется на вас и уже, наверное, не уйдет до тех пор, пока священник не произнесет последнего напутствия и пока последний звук органа не замрет в наступившей тишине». Лендер оставался в Сарепте две недели и обратил внимание на многочисленные ежедневные молитвы христиан. «Строго распределен трудовой день в колонии, строго соблюдаются там и часы молитвы, и часы

отдыха. Молитва приобретает у гернгутеров ту святость, тот скрытый и глубокий смысл, ту, наконец, истинную торжественность, которые невольно утрачиваются в больших и шумных городах, в многолюдных церквях».

Подобное описание оставил для нас Владимир Васильевич Измайлов – поэт, журналист, писатель, посетивший Сарепту еще в начале XIX века. «Настал час утра – братья и сестры в молчании и смирении приближаются к дому молитвы, которого величество состоит в простоте и все украшение в одном образе Законодателя Христиан. Мужчины садятся внизу, женщины вверху, в особливом отделении, и один из них начинает читать нравоучительные главы из Библии. С первым словом, первым именем Бога, произнесенным языком проповедника, глубокое чувство воцаряется во всех сердцах, тишина в храме, благоговение на лицах. Кажется, что Божество исходит к смиренным. Стоя в храме, внимая великим истинам, возвещаемым именем Бога, и сам преклоняю колена. Между тем, чтение пресекается; хор мужчин вместе с нежными женскими голосами поет небесные гимны, и Ангельская гармония переселяет, кажется, человека на небо. Молитва кончается, и все возвращаются в дома свои к рукоделию, работам, должностям».

Алтарь Сарептской кирхи к. XIX - н. XX вв.

Желая сохранить многовековые традиции, после отъезда епископа и пасторов Сарепты в 1893 году в Германию, оставшаяся община приняла решение присоединиться к Евангелическо-лютеранской церкви России. К

концу XIX в. это была одна из крупных конфессий и выступала на равных правах с Православной церковью, благодаря покровительству правящей династии Романовых, чьи родственные связи тесно переплетались с представителями монарших семей Европы, лютеранами по вероисповеданию. К этому времени протестантизм исповедовало более 5% населения страны, около 3,5 млн. человек. Сарептская община вошла в Московский консисториальный округ Евангелическо-лютеранской церкви.

В 1894 году приехал новый пастор Вильгельм Эдуард Михаель Ферманн (Fehrmann). Он родился 5 мая 1864 года в Москве, в семье пастора. После ординации стажировался в Санкт-Петербурге. С 1891 по 1894 годы он был пастором прихода Святого Петра и Павла в Москве. С 1894 по 1905 он был пастором в Сарепте. С 1916 служил в дворцовой церкви Ораниенбаума. С 1918 по 1920 годы – в колониях Новгородской области. С 1922 по 1923 годы служил в Доме вдов в Смольном. Был ректором Евангелической Санкт-Петербургской городской миссии и преподавателем теологических курсов в Ленинграде. Умер 4 апреля 1924 года в г. Ленинграде.

Для того чтобы иметь представление о жизни и деятельности общины возьмем состояние церкви на рубеже веков – 1899-1900 гг.

К 1900 году при пасторе Ферманне церковный приход Сарепты состоял только из общины местных жителей, которая была довольно изолированной и насчитывала 1451 членов. Из них 351 человек – выходцы из бывшей гернгутской братской общины, коренные жители Сарепты и 1100 переселенцев из немецких поволжских колоний. Также здесь проживало около 100 человек русских православных ремесленников.

Пастор Ферманн дополнительно обслуживал немцев лютеранского исповедания, проживающих в близлежащих русских деревнях: Отрада (в 12 верстах), Лучках (в 18 верстах) и в небольшом городке Черный Яр (в 120 верстах).

Пастора избирали члены общины, а Московская Евангелическо-лютеранская консистория утверждала его.

В обязанности пастора входило проводить богослужения в воскресные и праздничные дни с 10.00 до 11.30 по утрам. На богослужениях звучал орган, пел хор, произносились проповеди и общие песнопения. Проповеди готовились на основе Священного писания – Библии. Самая главная цель, которую пастор ставил перед общиной, это достичь вечной жизни, через веру в Голгофскую жертву Иисуса Христа. Для того, чтобы это совершилось в жизни каждого присутствующего, нужно было научить их живой вере по учению Нового завета. Это не мертвое исполнение обрядов или добрых дел, но внутренне обновление, которое формирует нового человека в духе, самой глубине человеческого естества. Этому пастор учил, начиная с детского возраста.

По христианской традиции пастор совершал также обряды и таинства церкви:

1. Исповедание и причастие.
2. Помолвка и венчание.

3. Рукоположение.
4. Благословение рожениц и детей.
5. Крещение младенцев.
6. Конфирмация.
7. Погребение.

Исповедание и причастие.

Исповедь, или исповедание грехов (нарушение заповедей Божьих), проступков, проводилось в церкви, для того чтобы человек был в мире и гармонии с самим собой и окружающими его людьми. После чистосердечного и откровенного рассказа служителю о своих внутренних проблемах, недостойных поступках, чувстве вины, разочарованиях, огорчениях, недовольствах и последующего покаяния, прощения окружающих людей он допускался к причастию. В Сарептской общине практиковались общие и индивидуальные исповеди. Общая исповедь проходила один раз в месяц в воскресные вечера. Индивидуальные исповеди могли проходить как в церкви, так и в исключительных случаях, при тяжелой болезни по домам. Перед исповедью и причастием пастор говорил проповедь из Библии о важности внутренней чистоты, искреннего сердца, мира, покоя, радости. После исповеди проводился обряд отпущения грехов. К этому дню в общине готовились заранее. Но пастор отмечал, что многие люди исповедание и причастие делают мертвым ритуалом, который не затрагивает глубин человеческой души.

Причастие – это исполнение заповеди Иисуса Христа. В Евангелии от Матфея в главе 26: 26-28 написано: «И когда они ели, Иисус взял хлеб и, благодарив, преломил и, раздавая ученикам, сказал: примите, ядите, сие есть Тело Мое. И, взяв чашу и благодарив, подал им и сказал: пейте из нее все, ибо сие есть Кровь Моя Нового Завета, за многих изливаемая во оставление грехов». В Евангелии от Иоанна в главе 6:54 написано: «Ядущий Мою Плоть и пьющий Мою Кровь имеет жизнь вечную, и Я воскрешу его в последний день». А в стихе 53: «...если не будете есть Плоти Сына Человеческого и пить Крови Его, то не будете иметь в себе жизни». Причастие проходило один раз в месяц и по всем великим праздникам. Сначала перед пастором обычно выстраивались мужчины, затем женщины. Особых скоплений народа не наблюдалось, потому что община была небольшой. С появлением пастора Ферманна, в результате его горячих проповедей в общине настало пробуждение. К причастию стали приходить целыми семьями. О проведении причастия предупреждалось заранее, желающие записывались у пастора. Неоднократно некоторые члены церкви отказывались на время от причастия, считая себя недостойными. Оно проходило после богослужения. Люди старались не пренебрегать причастием, потому что оно давало силы жить и побеждать. В истории Сарептской общины за 6 лет было всего три случая, когда некоторые члены церкви не были допущены к причастию решением пастора. Эти люди были наказаны за неадекватное поведение и нежелание

признать свои ошибки. Причастие в особых случаях болезни проводилось пастором на дому. За год в Сарептской общине проводилось 994 причастий: 448 мужчин и 546 женщин.

Помолвка и венчание.

Перед вступлением в брак желающие должны были подать письменное заявление и ознакомиться с правилами оглашения вступающих в брак. Это особенно важно было для вдовцов и вдов, чтобы сохранилась причитающаяся часть имущества за детьми от первого брака. А также в отношении военнотружущих и государственных служащих. Перед заключением брака духовный наставник проводил беседу с заявителями. «Если между парой большой временной разрыв или для благонаправленной девицы не совсем удачный партнер, их наставляли отказаться от нежелательных или необдуманных браков, от неравного брака». Обучение проводил священнослужитель. После помолвки на церковном богослужении, то есть оглашения имен желающих вступить в брак, через определенный испытательный срок в церкви проходило торжественное венчание, после которого молодые люди объявлялись мужем и женой. Брак регистрировали в Церковных метрических книгах. Венчание было платным. За одно венчание нужно было заплатить 50 копеек.

В том случае, если жених и невеста совершали грех, разделив брачное ложе до свадьбы, венчали вне стен церкви. На невесту не возлагали фаты и венца. К 1900 г. в Сарепте было отмечено несколько случаев распутства среди молодежи. Пастор Ферманн объяснял это результатом молодежных «гуляний», которые были приняты в России. Молодые люди, совершившие прелюбодеяние до вступления в брак, получали серьезное предупреждение со стороны духовного лица. Многих из них убедили заключить законный брак. Супружеских измен в те времена еще не наблюдалось, и брачным союзам ничего не угрожало. В Сарепте не было отмечено абортов или детоубийств. Семьи были дружными, добропорядочными. Исключение составляли семьи, в которых супруг злоупотреблял алкоголем. Но разводов не было и не было случаев, когда супруги не желали жить в браке. К концу XIX в. среди местного населения стали появляться незаконные браки, то есть случаи сожительства.

Рукоположение.

«Рукоположение (ординация) рассматривается в лютеранстве как обычай, имеющий корни еще в древней церкви» (Википедия). В Библии имеется несколько мест о возложении рук священства на прихожан с целью исцеления или благословения и на лиц, предназначенных для выполнения какого-то определенного служения в церкви, что означало особое посвящение. В Сарептской общине практиковали рукоположение.

Благословение рожениц и детей.

В благословение входили: молитва с возложением рук на матерей и младенцев.

Крещение младенцев.

Крещение младенцев проводил пастор, при отсутствии пастора – пономарь. Если рождался ребенок в тяжелом состоянии, ему преподавали крещение в спешном порядке. Обряд могли произвести акушерки, принимающие роды. Запрещалось преподавать водное крещение в церквях других конфессий, «у иноверцев». Порядку крещения младенцев обучали на занятиях при подготовке молодежи к конфирмации. Рождение и крещение младенцев регистрировали в Церковных метрических книгах. Крещение в Сарепте было платным. По решению церковного совета одно крещение стоило 15 копеек.

Конфирмация.

Конфирмация представляет собой обряд сознательного исповедания веры, без миропомазания. Конфирмация в Сарепте относилась к важным праздникам, она проводилась один раз в году – в Вербное воскресенье. Это также было своеобразным экзаменом на знание Священного Писания. К конфирмации допускались дети 14-15 лет. После конфирмации они считались совершеннолетними, способными отвечать за свои поступки. В Сарепте уделялось много времени для обучения детей духовным истинам, и, прежде всего, родителями или старшими братьями и сестрами. В кирхе раз в две недели пастор проводил занятия с детьми по ключевым моментам учения Иисуса Христа. Перед самой конфирмацией, с февраля месяца, пять раз в неделю пастор учил молодых людей, готовил к экзамену. Юноши и девушки обучались вместе. Закон Божий преподавался по определенному плану, изложенному в катехизисе. Конфирманты заучивали выдержки из Библии, читали Библейские истории и запоминали их правильное понимание. По домам готовили праздничные одежды. Особенно способные ученики освобождались от публичного экзамена. От занятий никто не отстранялся. Все дети были хорошо подготовлены. Но были случаи, когда родители не пускали своих детей на занятия, оставляли дома для работы по хозяйству. Для предотвращения таких случаев были введены денежные штрафы. В исключительных случаях плохо подготовленных детей оставляли на следующий год. Практиковалась и индивидуальная подготовка за небольшую плату, а также индивидуальная конфирмация. Обычно экзамен проводился в церкви в последнюю пятницу, накануне вербного воскресенья. При этом присутствовали все желающие члены общины. Каждому молодому человеку или девушке задавались определенные экзаменационные вопросы по текстам Ветхого и Нового завета. В конце экзамена выдавались Конфирмационные

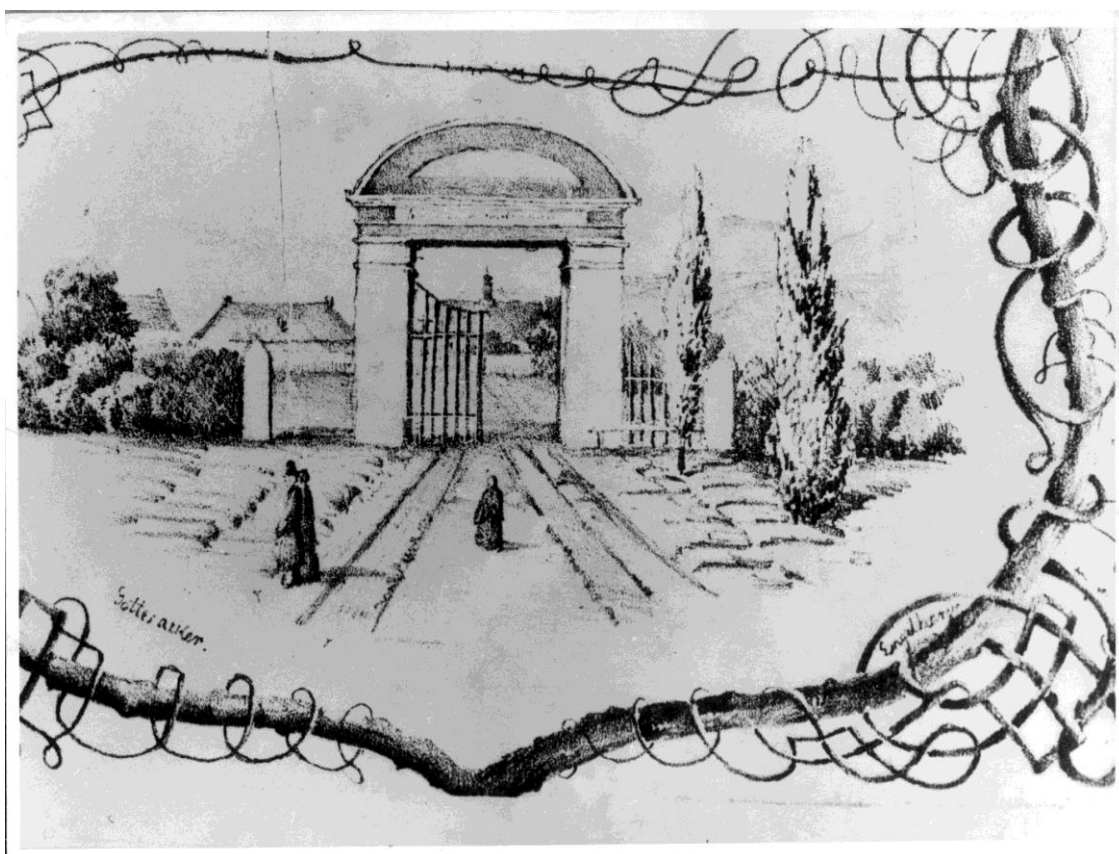
листы. Этот важный документ вставляли в рамку под стекло и вешали на стену. В подарок молодые люди получали Библию или Новый завет с дарственной надписью пастора и его напутствием, определенной строчкой из Писания. Текст поздравления был одинаковым для всех: «Да благословляет тебя Господь каждый день и в память о дне конфирмации...».

Мария Мейдер в День конфирмации в 1906 году.

В фондах музея-заповедника «Старая Сарепта» хранится несколько книг с дарственными надписями на день конфирмации, но одна из них наиболее интересна. Это Новый завет, подаренный сарептянке Софии Мюкке пастором Ферманом 21 марта 1904 года. Книга издана в виде миниатюрного издания в кожаном переплете с тиснением на обложке и позолоченными торцами. Такие книги считались особенно ценным подарком, их тщательно оберегали и передавали из поколения в поколение. До наших дней она сохранилась в хорошем состоянии. После конфирмации молодые люди становились полноправными членами общины. Они имели право голоса при голосовании в решении каких-то вопросов или участвовать в духовной жизни общины и сознательно выражать свою веру. После конфирмации пастор продолжал периодически встречаться с молодежью на вечерах чтений Писаний и песнопений.

Погребение.

Сарептское кладбище. Копия с гравюры XVIII в.

В Сарепте было 2 кладбища: одно – для иностранцев (т.к. многие жители Сарепты, в основном, гернгутеры, не имели российского подданства), другое – для местного населения. За содержанием кладбищ отвечала общинная управа. При церкви имелась покойницкая на два отделения.

Погребение совершалось непосредственно пастором, за редким исключением причетником. Никаких суеверий в отношении кладбищ или

погребений в Сарептской общине не было. Глубина могилы и время погребения оговаривались в предписаниях церкви и тщательно исполнялись. В случае внезапной смерти человека или если он был найден мертвым и причина смерти неизвестна, также были определенные рекомендации. Похороны были платными. Одни похороны стоили 30 копеек.

В обязанности пастора также входили: организация постов, проведение литургических богослужений и миссионерских докладов. Литургия (греч. «служение») – главнейшее богослужение, во время которого совершается таинство Евхаристии (причастие), при этом использовались Сборники литургических молитв и песнопений. Общий церковный пост назначался перед Рождеством. Во время поста, в среду вечером обычно, проводились представления по библейским текстам, связанным со страстями Христовыми (страданиями Его перед распятием и на Голгофском кресте).

Один раз в месяц делался доклад о внешней и внутренней миссионерской деятельности. По средам вечером пастор проводил библейский час. Кроме своих непосредственных пасторских обязанностей Ферманн преподавал Закон Божий в трех сарептских школах. Пастор также посещал больных по вызову или по своему собственному желанию. За свои шесть лет работы он всего три раза был в отпуске: в 1895 и в 1898 годах продолжительностью 28 дней, а в 1900 году – продолжительностью два месяца. В это время его замещал пастор В. Добберт из Царицына.

Пастор получал ежегодное жалование 1500 рублей из сарептского Волостного правления. Ему также бесплатно предоставлялись: квартира, отопление, освещение, сено, земля под картофель и арбузные плантации.

Финансовые, организационные и юридические вопросы решало церковное правление. В состав церковного правления входил церковный совет, состоящий из шести человек, секретаря и пастора. Церковный совет переизбирался один раз в три года общим собранием. Членов церковного совета называли опекунами. Они избирались большинством голосов, а пастор утверждал кандидатов. Новый состав сообщался в Генеральную консисторию. Периодически проводились заседания церковного совета, председателем которого являлся пастор, секретарь вел протокол. Обязанности членов церковного совета координировались пастором и были направлены для поддержания церковной дисциплины. Опекуны должны были обладать определенными деловыми качествами, отличаться благопристойным поведением и честно исполнять свой долг. Церковные опекуны работали с членами общины как душепопечители: давали различные консультации, проводили индивидуальные беседы со всеми желающими и нуждающимися снять со своей души тяжесть, дискомфорт, обрести мир и покой. Опекуны работали на общественных началах и оплаты за свой труд не получали.

Церковный совет управлял также церковным имуществом, о котором ежегодно составлялся отчет в Евангелическо-лютеранскую консисторию.

Для обсуждения финансового отчета и последующего отправления его в Генеральную консисторию собиралось общее собрание общины.

Церковное имущество состояло из:

– Церковного инвентаря, которое оценивалось в 429 рублей.

– Церковного капитала, который в виде сертификатов хранился в Крестьянско-аграрном банке, – около 800 рублей. Эти сертификаты были обменены на другие, более выгодные, что принесло прибыль, так как повысились проценты – около 200 рублей.

– Также были приобретены 5-4% гос. ренты, которые к 1 декабря 1899 года повысились – 500 рублей.

Так что, общее состояние церковного имущества с начала 1899 года составляло:

– недвижимого – 14000 рублей;

– движимого – 429 рублей;

– капиталов, приносящих проценты – 1000 рублей.

Прирост в течение 1899 года составил 1300 рублей, убыток – 800 рублей.

В 1900 году капитал, приносящий проценты, увеличился до 1500 рублей. В документе в Евангелическо-лютеранскую консисторию представлялся подробный отчет в виде таблицы о поступлении и расходе средств с церковной казны.

Консисториальный округ, название церкви.	Поступление средств. Предмет поступления.	Руб.	коп.
В Московском консисториальном округе Церковь Сарепта в Царицынском уезде Саратовской губернии.	Остаток наличных денег на 1898 г.	500.	70
	- Пожертвования и взносы, за вычетом выплаченных и отправленных:	44.	58
	- проповеднику Витману	25.	00
	- для кассы выдачи пособий	65.	00
	- для миссии	15.	00
	- для слепых	10.	00
	- для нужд в Таловке	5.	00
		120.	00
		294.	57
	- проценты по ценным бумагам	37.	05
- получено от коммуны	2827.	95	

Сумма в рублях: 3740. 28

РАСХОДЫ

Остаток наличия на 1 января 1900 г.

Предмет расхода	руб. коп.	руб. коп.
Зарплата проповедника	1500.00	
Для посещения пастором кандидатов из Царицына	10.00	
Зарплата смотрителя	180.00	
Зарплата органиста	300.00	
Зарплата звонаря	42.00	
Зарплата пономаря	244.25	
Духовой оркестр	56.61	
Церковные здания	48.49	
На церковное вино (для причастия)	13.80	
Отопление и освещение	79.17	
На Рождественскую елку и др.	5.00	
На различный ремонт и материалы	66.33	
На покраску церковной крыши и материал	128.33	
На церковное белье и мыло и др.	2.15	
На книги, бумагу, конверты, чернила	48.38	
депеш и телеграммы	3.56	
Уборка двора и кладбища	43.45	
Ремонт ворот кладбища и надписи	56.53	
	рублей: 2829.50	
Поддержка бедных колонистов	49.00	
На приобретение 4% гос. ренты	505.69	
На обмен 8-4 ½ % сертификатов Крестьянско-аграрного банка	0.80	
Сумма :	3381.44	358.84

В финансовом отчете ставились подписи опекунов: А. Экк
А. Лангерфельд
О. Люкштедт

Церковные деньги хранились в здании Волостного правления.

Церковь обладала определенным имуществом, на основании списков можно восстановить убранство церковных помещений. «За общим состоянием кирхи наблюдала общинная управа и содержала его в идеальном порядке».

В ведении церкви находилась школа. В Сарепте к 1900 году было три школы:

1. Церковная школа для мальчиков (30 учеников) – срок обучения 2 года.
2. Церковная школа для девочек (20 учениц) – срок обучения 2 года.
3. Церковная школа для мальчиков и девочек (157 учеников: 75 мальчиков и 82 девочки) – срок обучения 1 год.

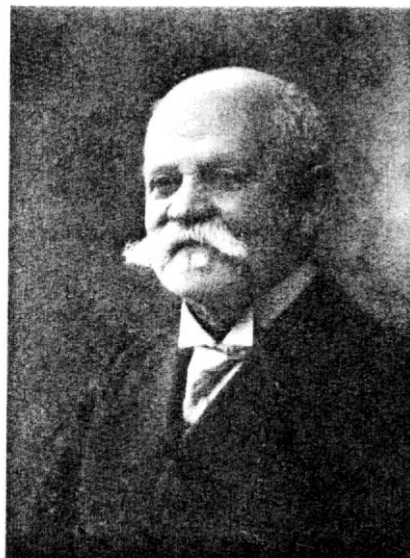
Всего в сарептских школах обучалось 216 детей: 105 мальчиков и 111 девочек. Пастор сам преподавал во всех трех школах и поддерживал с ними тесные отношения. Также для детей он дополнительно проводил библейские часы. Библейские часы для детей и занятия по подготовке миссионеров проводил и волонтер из Индии, которого содержала община. Учителя, работающие в однолетней школе, часто жаловались, что дети, особенно старшие мальчики, нерегулярно посещают занятия. Жители Сарепты, не принадлежащие к числу немецких колонистов проявляли меньший интерес к тому, как их дети посещают школу. Дома проверкой домашних заданий и воспитанием занимались родители. Учителя в школах добросовестно выполняли свои обязанности, преданно и с любовью относились к ученикам. Раз в три месяца в школах проводился педсовет.

До наших дней сохранилась информация об учителях Сарептской школы. В списке шульмейстеров колонии Сарепта от 30 октября 1900 года значатся:

1. Герман Август Пагель – учитель и поселенец в колонии Сарепта. Родился 28 декабря 1862 года. Окончил курсы для подготовки учителей в братской общине г. Ниски (Германия). В марте 1888 года сдал экзамен школьных учителей на семинаре братской общины в Нижней Силезии под председательством Правительственного школьного советника Сандера в Бреслау. С апреля 1885 года и до конца декабря 1887 работал учителем в Пансионе для мальчиков братской общины Кенигсфельда в Саксонии. С января 1888 года – в Сарепте. Преподавал немецкий язык во втором классе церковной школы. Одновременно с сентября 1894 года он работал при церкви причетником. В должности учителя школы он получал 360 рублей, в должности причетника – 180 рублей из кассы Правления Сарепты, согласно решению местной общины. Ему бесплатно предоставлялись: квартира, отопление, освещение.

О нем есть краткая характеристика: г-н Пагель – очень хороший учитель религии, ведет безупречный христианский образ жизни. На тот момент не имел никаких наград и поощрений. Никаких взысканий не имел, под следствием или допросом не состоял. Он усердно работал. Вел себя пристойно, жил добропорядочно. Господин Пагель был женат, имел 3 детей. Помогал пастору при проведении обрядов: венчания, крещения младенцев на дому, погребения, «а также во всех обрядах, совершаемых в рамках служебных обязанностей и запрошенных в индивидуальном порядке». Он был солистом в хоре при песнопениях во время похоронного обряда.

2. Иоханн Фридрих Леффлер – поселенец, владелец земельного участка. Родился 13 марта 1849 года. Экзаменован в колонии Норка в сентябре 1870 года Пленумом Священного Синода. К школьной деятельности приступил в с. Авилово в Розенбергской епархии с 29 июня 1873 года по 25 мая 1875 года. В колонии Новая Норка – с 25 мая 1875 года по 11 октября 1884. В Сарепте в первый раз: с 11 октября 1884 по 1 июня 1892 г. Далее в Нижней Добринке – с 28 октября 1893 по 1 мая 1895 г. Во второй раз: в Сарепте – с 1 мая 1895 года по настоящее время (1900 г.). Порицаний, наград и поощрений не имел. Под допросом и следствием не состоял. Получал ежегодное содержание в размере 350 рублей из общинной кассы, согласно решению общины № 46 от 12 марта 1896 года. К исполнению своих обязанностей относился добросовестно, вел безупречный образ жизни христианина. Был женат, имел 3 детей, все лютеранского вероисповедания.

Richard Loretz.

3. Важное место в церковном устройстве занимал органист, он же учитель пения и руководитель хора. На каждом богослужении в церкви звучал орган.

Органист Рихард Лоретц родился 19 ноября 1864 года в Сарепте. Его родители Адольф Герман Лоретц, 1828 г.р. в Саратове, и мать Элиз, ур. Буркен, 1836 г.р. в Гернгуте. Рихард учился в Сарепте до 1878 года, а затем был отправлен в г. Ниски. Окончил школу в 1880 году. Обучался коммерции, в 1885 г. окончил торговую школу в г. Баутцене. Затем работал по профессии в Лейпциге и в конторе при горчичной фабрике в г. Дюссельдорфе. В 33 года во время отпуска посетил Сарепту, где ему предложили должность органиста в церкви. Для получения музыкального образования он вернулся в Германию. В течение 5 месяцев он активно посещал музыкальные концерты, театры, уроки игры на органе. В Сарепту Лоретц вернулся в январе 1897 года

и занял место органиста, учителя пения в 2-летней школе, руководителя церковного хора и общества любителей пения. Песнопения во время богослужений совершались по «Сборнику литургических песнопений» Евангелической братской общины, а также использовался «Сборник песнопений и хоралов» Гернгутской братской общины. Рихард Лоретц получал 450 рублей, ему бесплатно предоставляли квартиру. Орган содержался в идеальном порядке, контроль за этим осуществлял церковный совет.

Такой церковный служащий, как старший смотритель господин И. Крегер, получал 50 рублей. Или служитель церкви Густав Фридрих Кноблох, работающий в приходской школе, получал за свой труд 125 рублей. Звонарь получал 3 рубля ежемесячно. Вообще, зарплата начислялась, исходя из того, сколько и какие обязанности исполнял человек.

Во второй половине XIX века в России получило большое распространение благотворительности. Сарептская церковь не осталась в стороне. В частности, была организована касса взаимопомощи. Деньги в кассу собирали после богослужения в «Вербное воскресенье» и в «День Реформации», то есть в религиозные праздники. Для выдачи денег из кассы по рекомендации Визитатора евангелическо-лютеранской консистории был основан комитет по оказанию помощи вдовам, сиротам, беднякам.

Два раза в год в церкви во время «Праздника урожая» и на «Святое богоявление» собирались пожертвования в пользу «Миссии по

распространению христианства» и «Общества по печатанию и распространению Библии». Кроме этого, в церкви проводились занятия по подготовке миссионеров, которые посещало большое количество людей, но пожертвования на миссионерство были скудными. Занятия проводил волонтер из Индии.

В Сарепте был открыт дом для престарелых и инвалидов, при котором был врач, ухаживающий за больными. Для помощи и поддержки из Саратова приехала диакониса и служила людям. А также был дом вдов.

В общем, в общине был высокий уровень жизни, все жили зажиточно, нищих не было. Поэтому в Сарепте не было домов для сирот или бедных. Иногда на улицах Сарепты появлялись нищие из других местностей и просили милостыню.

Управление или администрация общины заботилась о больных, немощных, беспомощных и сиротах. Для этого существовал дом для медицинских сестер.

Все члены общины Сарепты были грамотными, обучены письму, чтению, хорошо знали Священное писание и церковные песни. Каждый прихожанин церкви имел личную Библию, у одних были лютеранские «Сборники песнопений», у других – «Сборники песнопений» Гернгутской Братской общины.

В общине работала общественная библиотека, фонд которой насчитывал 159 книг. В основном она была направлена для поддержания духовного состояния. Там можно было найти Библии, Евангелия, Сборники песнопений, Катехизис, Сборники проповедей. Ежегодный читательский взнос составлял 25 копеек. Книги выдавались в определенные дни по расписанию.

В Сарепте существовали традиции, сложившиеся в течение 135 лет пребывания гернгутеров в России. Как считал пастор Ферманн, в Сарепте сохранялись особенные, достойные внимания обряды от Гернгутских братьев, например, богослужения в 12 часов в новогоднюю ночь; пасхальное богослужение на рассвете на кладбище, во время которого зачитывают имена умерших за прошедший год; чтение Писания о страстях Господних на страстной неделе; в воскресное утро в теплые дни года на площади перед церковью исполнялись три хорала с сопровождением оркестра духовых инструментов в знак того, что в общине скончался человек.

Являясь членами общины, не все активно посещали богослужения. По мнению пастора Ферманна, более полному посещению богослужений, хотя бы по воскресеньям, препятствовало то, что первоначальный строгий распорядок, установленный членами Гернгутской Братской общины, был изменен. Людей отвлекали магазины, базары. Торговлю на рынках невозможно приостановить даже во время службы в церкви. Большой вред

общине приносило спиртное. Водка продавалась и по воскресеньям до 10 часов вечера. В Сарепту каждое воскресенье приезжали из близлежащих поселений язычники: калмыки, татары, которые устраивали шумные оргии.

Кроме лютеранской общины в Сарепте появились другие христианские течения: баптисты, адвентисты. Были отмечены случаи суеверия и попытки исцеления с помощью сверхъестественных сил, с использованием заклинаний.

Несмотря на хорошую организацию церковной системы, подлинный интерес к церковным делам, вопросам религии и благочестия проявляли лишь часть женщин общины и ограниченный круг мужчин. В большинстве мужчины, члены общины, были пассивны и не стремились углубить свои знания. Некоторые из них были подвержены пьянству. Были и злостные пьяницы. Поводов для пьянства было много. Свадьбы особенно сопровождались длительными застольями со спиртным и нарушали общественные приличия. Но случаи ссор и разбирательств были редки. Не приняты были в Сарепте драки, кражи, мошенничество, обман, алчность, скупость. Не наблюдались также случаи неповиновения властям, проявления черствости и злословия, лени и праздного образа жизни.

Пастор Сарептской общины Л. Шмидт.

Детей воспитывали строго. Основная тяжесть домашнего труда лежала на их плечах. Семьи были многодетными, поэтому домашний труд распределялся между детьми. Одни работали на огороде, другие – в саду, третьи ухаживали за домашними животными, четвертые – по дому, пятые занимались младшими детьми. Взаимоотношения между родителями и детьми были хорошими, детей держали в послушании. Подростки с уважением относились к старикам и больным. Повсеместно было видно, что пожилым людям оказывался почет. Неблагодарности и непристойных поступков не наблюдалось. В сарептских семьях воспитывались и приемные дети или жили подмастерья, над ними велась духовная и материальная опека. Во многих домах работала прислуга, с которой поддерживались добрые христианские отношения.

В 1906 году пастора Ферманна заменил Леопольд Шмидт (Schmidt). Он родился 12 июля 1875 года. Рукоположен в священнослужители 19 марта 1906 года и начал свою профессиональную деятельность в Сарепте. Перед первой мировой войной в 1914 году Шмидт переехал работать по приглашению в Царицын. Во времена гонений на служителей церкви долгое время скрывался от арестов. Умер 7 мая 1927 года от тифа в Сталинграде.

Некоторое время в Сарепте без пастора проводил службы пономарь, господин Пагель, иногда приезжал Леопольд Шмидт для проповеди.

Евангелическо-лютеранская община – это не только пастор и церковный совет, это, прежде всего, рядовые члены общины, жители Сарепты. Их судьбы тесно переплетаются друг с другом, с историей местечка и с историей

России в целом. В кирхе члены общины получали свое воспитание, там формировалось их мировоззрение. Пастор мотивировал своих прихожан на добро, прощение, щедрость, милосердие, терпение, снисходительность, сострадательность, веру, надежду на лучшее и любовь к ближнему. Чтобы достойно пережить последующие, бедственные годы, все эти уроки были так необходимы для каждого человека.

В фондах музея «Старая Сарепта» хранится уникальная книга воспоминаний местного жителя Рихарда Лоретца о событиях 1914-1921 годов в Сарепте. Текст был напечатан в 1936 году на обычной бумаге, на машинописной машинке синими чернилами. В книге 139 листов. Картонный переплет кустарной работы. Книга в единственном экземпляре. Рихарду Лоретцу, одному из немногих, в 1921 году удалось вырваться из огненного кольца страданий революционных событий, происходивших в России. Он вернулся в Германию. Воспоминания глубоко потрясших его событий запечатлелись в его памяти и излились на бумагу.

Тихое и спокойное время в Сарепте закончилось с началом первой мировой войны. По воспоминаниям жителя Сарепты Рихарда Лоретца: «...в середине июля 1914 года чудным летним вечером, когда все сарептяне отдыхали от дневной жары, сидя на скамейках перед своими домами, ... как гром среди ясного неба, пришло сообщение о начавшейся мобилизации». Сарепта всегда была довольно-таки изолированным селением. Она была расположена вдали от крупных губернских городов, так что быстро развивающиеся Боснийско-Сербские события дошли до сарептян с большой задержкой и вызвали немалое удивление. Однако все военнообязанные до 43 лет должны были зарегистрироваться, собрать необходимые вещи и явиться в Царицын. Со всего Царицынского уезда стали прибывать люди. Случилось большое стечение народа, многие были с женами, которые хотели знать, что будет с их мужьями дальше. На другой день женщины, увидев, что их мужей не отпускают назад, домой, стали требовать возврата своих кормильцев или возмещения ущерба. Поднялся сильный шум. Военный комендант города для устранения мятежа отправил свои войска и дал приказ стрелять по безоружной толпе. В панике толпа разбежалась. На тротуаре осталось много раненых и убитых.

Спустя несколько дней в газетах было опубликовано объявление о начале войны. 1-го августа 1914 года в Сарептской кирхе прошло молитвенное богослужение «О даровании победы русскому оружию», в конце которого члены общины пожертвовали на лечение раненых и военные нужды около 6 тысяч рублей. Со всех сторон через Сарепту непрерывно шли подразделения вновь призванных солдат и останавливались здесь для отдыха. По приказу вышестоящих властей, для исполнения своего долга перед отечеством жители должны были новобранцев обеспечить жильем и питанием. «Чтобы разместить огромное количество людей, была выселена реальная школа, занимавшая весь верхний этаж бывшего Дома сестер, и

некоторые другие помещения». Из прачечной Дома сестер взяли большие бельевые котлы и стали готовить в них супы с бараниной и чай. Солдаты, мужчины среднего возраста из окрестных деревень, выглядели спокойными, серьезными и доброжелательными. «Лишь малая часть из этих первых вновь увидела свою родную деревню; их кровь впитала в себя земля Польши и Голиции». Со временем постепенно прохождение войск прекратилось.

Российское правительство издало указ о выселении немцев, имевших германское подданство, на их родину. Лицам немецкой национальности были запрещены любого рода общественные собрания, кроме богослужений. А также запрещено было употребление немецкого языка в общественных местах: в магазинах, на железнодорожном транспорте, на улицах соседнего города Царицына. Это было невозможно для пожилых людей и многих женщин, которые не знали русского языка. В связи с этим произошло несколько арестов, некоторым пришлось заплатить штраф, а другим быть заключенными в тюрьму и отбыть наказание до 6 месяцев. Русское население резко изменило свое отношение к немцам.

В ответ, в целях благотворительности, жители Сарепты решили открыть небольшой лазарет для раненных на фронте солдат. Сначала он был рассчитан на 10 коек, затем расширен до 20 и позже до 33. Лазарет располагался в здании пастората, и руководила им одна из женщин, исполняя обязанности старшей сестры. Ответственным за лазарет являлся церковный совет. Расходы покрывались за счет добровольных пожертвований и проведения различных мероприятий.

В начале 1915 года пришел приказ Саратовского губернатора о принятии и обеспечении продовольствием немецких семей, выселенных из Польши, которые оказались в зоне военных действий. Прибыли около тысячи человек. В основном это были простые люди, плохо одетые, измученные длительным путем, усталые, больные, грязные, голодные. Они представляли собой «жалкую картину». Для особых сборов у них не было времени. Все произошло внезапно, в спешке они не взяли необходимых вещей, «все их имущество состояло из кучи ненужного тряпья». Поселить в Сарепте и обеспечить всем необходимым, такое большое количество обездоленных людей для маленькой Сарепты было непомерным бременем. Тем более, что высшие власти всю ответственность возложили на малую часть коренных сарептян, колонисты-переселенцы из поволжских колоний и русские были освобождены. Вновь подготовили Дом сестер, Дом братьев, пристройки правления Сарепты, большую прачечную Дома сестер. Часть переселенцев заселилась в теплые помещения, но их оказалось недостаточно, многие остались на улице. Местные жители, имевшие возможность разместить польских немцев в своих домах, стали приглашать их к себе. Таким образом, все были пристроены. К сожалению, сарептяне, кроме пустых стен и крыши над головой, больше ничего не смогли им предложить. Не было необходимых кроватей, постельных принадлежностей. Лишь несколько столов, стульев и лавок, это все, чем они могли поделиться. По воспоминаниям Рихарда Лоретца, который был казначеем при созданном

комитете помощи переселенцам: «Люди разместились на полу, ... лежали все вперемешку: здоровые, больные, умирающие, умершие, роженицы, младенцы, дети, взрослые и старики. При этом у каждого была какая-то просьба, и каждый хотел что-то сказать. А воздух был – хоть топор вешай, так как наши добрые поляки были в отличие от поволжских немцев не очень чистоплотными». Для обеспечения необходимой одеждой, бельем, питанием был создан комитет, состоящий в основном из местных женщин. Он разместился в любезно предоставленной Гансом Кноблохом, владельцем горчичного завода, прачечной. Здесь развернулась «кипучая деятельность». Для обеспечения продуктами питания всем переселенцам решили раздать талоны. В комитет со всей Сарепты стали поступать различные пожертвования: деньгами, продуктами, одеждой. Для приготовления пищи опять воспользовались большими котлами из прачечной. Так что, все были обеспечены хорошими, сытными обедами.

Через некоторое время пришел новый приказ: принять еще 500 человек переселенцев с Волыни. Для их размещения потеснили поляков, которые итак были в большой тесноте. Большая часть была размещена в детском саду горчичной фирмы Глич, бывшем владении Блюера. Затем, те жители Сарепты, у которых не было постояльцев, должны были взять в свой дом по несколько человек. Переселенцы с Волыни были более интеллигентными и чистоплотными, чем поляки, но не такими добродушными. Посыпались жалобы на плохое жилье и содержание. Но ситуация осложнилась тем, что все запасы продуктов к Пасхе подошли к концу и сарептяне не смогли 1500 переселенцев кормить обедами. Из-за антисанитарии стали умирать люди. Рихард Лорец привел статистику: «В обычное время у нас на 2500 жителей было около 35-40 смертных случаев в год, а в 1915 году при населении около 4600 человек – до 300 случаев. Даже дети переселившихся умирали массово, однажды за неделю у нас было 17 похорон». Из-за сложившейся чрезвычайной ситуации Сарепту посетил Саратовский губернатор. Он был очень резок и суров, но все-таки разгрузил Сарепту на 500 человек. Со временем местные жители привыкли к вынужденным гостям. Многие из них нашли себе работу или открыли производство деревянных башмаков, которые позже, при нехватке обуви, стали так необходимы. Только в 1918 году при новом правительстве полякам разрешили вернуться на родину.

По воспоминаниям Рихарда Лоретца, в июне 1915 года в Сарепту приехал новый пастор Вольдемар Юргенс. Он родился 17 июня 1872 года в Прибалтике. Юргенс был рукоположен в сан 19 декабря 1899 года. С 1902 по 1909 год являлся пастором в с. Ной-Постале и Андреевке. С 1921 по 1939 год и в 1933-1934 гг. – в Пятигорске, Карасе и Ейске. С 1927 по 1929 год – в Луганске. В 1934 году был арестован и приговорен к высшей мере наказания. В 1936 году был помилован. Вольдемар Юргенс являлся зятем бывшего сарептского врача Гамберга. Он пробыл здесь до 1921 года.

Война продолжалась. Все чаще происходили наборы солдат, так что Сарепта осталась без мужчин молодого и среднего возраста. В соседнем городке Царицыне появились колонны австрийских военнопленных, окруженных охраной – русскими солдатами. Для них были построены специальные лагеря. Российским немцам было категорически запрещено общаться с военнопленными, особенно с немцами. Кругом мерещились шпионы. Обстановка была напряженной. Путешествовать в окрестностях Сарепты стало небезопасно. В Сарепте произошло несколько краж со взломом и убийством мирных жителей. Был убит владелец сада Блюэр, живший в одиноком домике у подножья горы. В одну из ночей были убиты русские пожилые люди: муж с женой, хранившие в своем доме деньги маленькой Православной церкви. Деньги были похищены.

Начались первые проблемы с продовольствием и предметами первой необходимости. Не хватало сахара, мяса, жиров, свечей, мыла. Это привело к повышению цен на эти товары. Правительство ввело карточную систему.

В феврале 1917 года в Сарепту пришло известие о свержении царской власти. Это вызвало смешанные чувства, никто не знал, что ждать дальше.

К этому времени население Сарепты увеличилось до 3500 человек. Много русских, татар и калмыков переселилось сюда. Все население подразделялось на три «касты», которые держались очень обособленно друг от друга.

1. Коренные жители – бывшие гернгутеры, им принадлежала вся земля, только они могли иметь недвижимое имущество, занимать какую-то должность в административном аппарате, и только они заботились о коммунальном состоянии поселка – патриции.

2. Немецкие колонисты – переселенцы из поволжских колоний. Они не имели права голоса, не могли иметь недвижимость, поэтому не платили налогов на содержание врача, церкви, пастора – плебеи. Их было около 2000 человек.

3. Русские – около 1000 человек, несколько татар и калмыков, не имели права голоса, не могли иметь недвижимость, занимать какую либо должность в управлении поселком.

Со свержением самодержавия вся эта система была разрушена, появились свободные граждане Сарепты. Без всякого кровопролития старые власти Сарепты были низложены. Пронеслось много митингов и закрытых совещаний. Из разных слоев народа был образован новый комитет, новое правление. В конце октября в Петербурге произошла вторая революция, свержение вновь установленной власти меньшевиков. Сарептяне встретили это известие равнодушно. Длительное время особых перемен не ощущалось. Весной 1918 года между Россией и Германией был заключен Брест-Литовский мир. Все облегченно вздохнули. Но тут же пришла газета, из которой узнали, что новое правительство большевиков объявило гражданскую войну. Рихард Лоретц пишет: «...над этим известием посмеивались, считая его фантастической шуткой большевиков». Но с этого момента события в тихом местечке стали развиваться стремительно. Через несколько дней в поселке появилась группа всадников, «буйных молодых людей», которые сильно напугали местных жителей. Никто не знал, откуда они приехали и куда также быстро исчезли. Спустя некоторое время они вернулись с семьями и всем своим имуществом, потребовали, чтобы для них освободили Дом братьев для размещения Черноярского уездного правительства большевиков. Им было вежливо отказано, но это не помогло. С великой дерзостью и угрозами они выселили жителей из нескольких домов на Церковной площади. «Были развешены прокламации, требующие сдачи любого оружия: горячего и холодного (вероятно, из страха перед восстаниями)». Затем были произведены обыски в некоторых подозрительных для них домах. У некоторых конфисковали запасы продуктов питания. В доме семьи Лангерфельд конфисковали 7 центнеров муки – весь запас на зиму. В других домах конфисковали фотоаппараты, театральные бинокли, подзорные трубы. Было произведено несколько арестов, но позже все были освобождены. Для их помещений в административном здании у жителей Сарепты были конфискованы столы, стулья, шкафы и т. д. В 10.00 часов вечера был установлен комендантский час. Если кого-то находили после этого времени – бросали в тюрьму.

Через две недели в Сарепте решил разместиться штаб вновь образующейся 10-й Армии, начальником штаба и комиссаром которой был Е.А. Щаденко. Представители штаба приехали с охраной, арестовали весь

Черноярский уездный совет вместе с семьями и конфискованным у сарептян имуществом, в том числе и мебелью, погрузили на баржу и отправили назад в Черный Яр.

«В местное правление вошли самые низменные элементы, например, некоторые известные с дурной стороны жители близлежащих деревень». Развернулось гонение на буржуев. Их узнавали издали по одежде. Белый воротничок, манжеты, шляпа считались одеждой буржуев. Модно было выглядеть по-пролетарски: рубашка со стоячим воротником-косовороткой, сапоги, фуражка. Сарепту объявили на осадном положении, и комендантский час перенесли на 9 часов вечера. Все особенно большие и просторные дома были конфискованы: Дом братьев, Дом сестер, Дом вдов, большая торговая лавка Гольдбаха, дом Беккера, оба гостиных двора, школа колонистов и русская школа, детский сад фирмы Глич, оба жилых дома Глич, жилые дома семей Бауэр и Кноблох, а также ряд домов поменьше. В них разместили различные учреждения и лазареты.

По Церковной площади маршировали солдаты, распевая революционные песни. Участились аресты. Одного арестовали за то, что он продал свои собственные золотые часы, другого за то, что играл в карты и пил спиртное, третьего арестовали неизвестно, за что и продержали два месяца в тюрьме, четвертого – за то, что проявил сопротивление и был офицером императорской армии. Последний был брошен в подвал и расстрелян ночью во дворе пастората. Сарепта стала пунктом, в который сгоняли всех арестованных в уезде. Всех их содержали в подвале пастората. На допрос выводили по одному и чаще всего они уже больше не возвращались. Каждый в страхе ждал своей участи. По вечерам, в 11 часов, слышались выстрелы во дворе пастората или у склона гор, или на берегу Волги, и все знали – это расстреливали заключенных. «За несколько месяцев, только в Сарепте, стали жертвой террора, наверное, сотни людей». Для того, чтобы быть расстрелянным, не нужно было совершать каких-либо особых преступлений, достаточно только было быть богатым буржуем или офицером царской армии. Жизнь человека не являлась особой ценностью.

Были введены принудительные работы. Буржуи должны были подметать площадь, разгружать вагоны, работать на молотилке, закапывать трупы убитых людей. Молодые сарептянки должны были мыть солдатские казармы, лазареты, конторы управляющих начальств, разгружать баржи, убирать урожаи картофеля. Начались крупные систематические обыски и конфискации имущества у всех состоятельных граждан. Рихард Лоретц вспоминал: «...брали все, что могло пригодиться. У одной семьи обыск длился три дня. Нагружались и отправлялись целые подводы с мебелью, припасами, одеждой, бельем. В заключение людей просто выкинули из квартиры, а взамен предоставили маленькую квартиру для рабочих, состоящую из одной комнаты и кухни. Я тогда тоже много потерял: телегу, сани, всю сбрую, сундук, полный ценных меховых шкурок, ковры и покрывала и многое другое». Однажды он сидел за своим прекрасным письменным столом, работы сарептских мастеров, вошли несколько мужчин,

взяли стол с двух сторон, подняли и понесли к выходу. Он только успел поднять руки. Через несколько дней, пришли и вынесли пианино. Конфискация происходила у всех жителей поселка. К этому все привыкли и реагировали равнодушно, спокойно, продолжая заниматься своими делами. Вскоре новые власти объявили, что все жители поселка должны сдать золотые и серебряные вещи и украшения. Большинство людей уже давно закопали свои «сокровища», и собрано было не много.

В Сарепте начались эпидемии. На протяжении нескольких лет свирепствовали сыпной и брюшной тиф, горячка, испанка (грипп), оспа, холера, туберкулез. Не было в поселке человека, который не переболел бы одной из этих страшных болезней, и не было человека, который бы не потерял хотя бы одного члена своей семьи. Врачей было мало, лекарств и медикаментов не было, а гигиенические условия не поддавались описанию.

Против Советской власти поднялось казачество во главе с генералом Деникиным и полковником Врангелем. Быстро продвигаясь с Кавказа, в конце июля они подошли к маленькой Сарепте, за которую разгорелась кровавая битва. Несколько раз поселок переходил из рук в руки. Входя в Сарепту, каждая власть начинала карательный режим. Красные, в саду за братским домом, рядом с кладбищем, расстреляли 48 пленных казаков, среди которых был один православный священнослужитель. И, естественно, население страдало от грабежей и разбоя. А когда вошли казаки, они арестовали двух человек, обвинили их в шпионаже и приговорили к казни через повешение. У склона Ергенинских гор поставили две виселицы и публично жестоко казнили. За окрестностями Сарепты постоянно гудела канонада от пальбы пушек и взрывающихся ядер. «В сумерки выходили на улицу только в случае необходимости и дрожали от смертельного страха..., а утром просыпались с камнем на сердце: что принесет сегодняшней день? Вечером запирались со вздохом: Слава Богу, еще один день прошел! Слава Богу, сегодня остались живы, здоровы! Это было для нас самое ужасное время!» Но поселок не был разрушен, только пять больших снарядов попали на улицы, и один из них повредил крышу склада мельницы.

Людей косила новая вспышка чумы, холеры, начался падеж лошадей от неизвестной болезни. Весной 1919 года было закопано около 1350 трупов лошадей. Летом началась чума крупного рогатого скота. Стадо уменьшилось на 500 голов. А Гражданская война продолжалась. В окрестностях Сарепты вновь разгорались новые сражения. Однажды, «было воскресенье, и звон колокола звал на службу, но никто не шел в церковь, так как боялись показываться на улице». К вечеру снова начался обстрел улиц, дробь барабанила по крышам домов, падали ядра. Жители сидели, тесно прижавшись друг к другу и дрожали от страха. Наконец, красные одержали победу. И снова начались грабежи в поселке, в том числе, в доме сестер в шкафу нашли чудесные чашечки. Эти чашечки много лет служили в общине при причастии, и именно их представители власти забрали с собой. Ноты рассыпали по полу, их истоптали грязными сапогами, конфисковали

библиотечные книги, на немецком языке, около 700 штук, а 300 книг на русском языке увезли казаки. Смертные казни продолжались. По ложному доносу: один «представитель капиталистического класса» был одет в арестантскую одежду и выставлен перед полевым трибуналом. Он был осужден за то, кем он являлся, и приговорен к смертной казни через расстрел. Ему связали руки, поставили на телегу и повезли через весь поселок к склону гор, где приговор привели в исполнение.

Постепенно в стране начиналась новая мирная жизнь. Посыпались правительственные законы, указы, постановления, декреты. Один из первых декретов сообщал о национализации земель, лесов, полей, находившихся в частной собственности. Декрет «О земле» был принят по докладу В.И. Ленина на II съезде Советов в ночь с 25 на 26 октября 1917 года. Он не только отменил помещичью собственность на землю, но передал все земли, в том числе и церковные со всем их инвентарем, постройками и принадлежностями, в распоряжение волостных, земских комитетов и уездных Советов рабочих и крестьянских депутатов. Там же: «никакие религиозные организации не имели права на владение землей». Далее, как говорил В.И. Ленин, была «красногвардейская атака на капитал». Наряду с национализацией промышленности, банков, транспорта, была произведена национализация и церковных учреждений, школ, приютов, лазаретов больниц. Все сбережения, которые находились на счетах банков, также были объявлены народными. Сарептская община потеряла все свои капиталы, а они были немалыми. Был национализирован и капитал «Кассы взаимопомощи». Он состоял из добровольных пожертвований прихожан церкви. Касса взаимопомощи распределялась Церковным советом для поддержания школ, больниц, благоустройства кладбища и в помощь нуждающимся.

11 декабря 1917 года вышел новый декрет о передаче в ведение Народного комиссариата по просвещению всех духовных учебных заведений вместе со зданиями, библиотеками, инвентарем, приспособлениями. Таким образом, церковь не могла больше оказывать влияние на морально-нравственное воспитание детей.

До войны в Сарепте было три школы:

1. Реальное училище второй ступени.
2. Немецкая церковная школа для колонистов.
3. Русская народная школа.

Реальное училище было образовано в 1908 году из двух бывших местных школ. Размещалось оно в доме сестер и состояло из двух подготовительных классов, позже четырех, и ещё позже – шести. Девочки и мальчики обучались вместе. Всего было около 150 учеников. В каждом классе был свой учитель или учительница.

Немецкая церковная школа имела два класса, в которых обучалось около 240 учеников. В каждом классе был учитель. В этой школе учились дети

простых колонистов, и их обучали только письму, счету, чтению, русскому, немецкому, латинскому языкам и закону Божьему.

В русской школе также было два класса и два учителя. Детей было много. Располагалась школа за мостом у реки Сарпы.

В поселке также были две подготовительные частные школы, которые готовили детей к основной школе.

Революционные события и Гражданская война нарушили обычный порядок в жизни сарептян. Школы несколько лет не работали, дети не обучались. Здания школ использовались не по назначению. Некоторые были полуразрушенными. Весь накопленный педагогический материал, учебники, школьные пособия были утрачены. Только с 1920 года школы были открыты и назывались общенародными. Было введено всеобщее обязательное образование. Каждый безграмотный взрослый должен был посещать «Ликбез», чтобы научиться читать и писать. Учителями в школах могли быть и немцы, но обучение проходило только на русском языке. В новых школах отсутствовал предмет Закона Божьего, и родители не хотели отпускать своих детей на занятия. Резко упала дисциплина. Дети были неуправляемыми, грубыми, эгоистичными, ленивыми.

Декретом от 18 декабря 1917 года были отменены церковный брак, крещение, регистрация рождения младенцев в церкви, регистрация смерти и соблюдение церковных обрядов. Метрические церковные книги нужно было передать чиновникам административной власти на местах. Сарептская церковь, как и многие другие, была против передачи метрических книг новым властям. Эти книги были спрятаны на чердаке кирхи, а потом бесследно исчезли. Существует легенда о том, что из бумаги церковных книг солдаты во время Гражданской войны изготавливали «самокрутки», заворачивали свой табак и курили.

В январе 1918 года был опубликован декрет «Об отделении Церкви от государства». На верующих и их пасторов начались гонения. Активно велась антирелигиозная пропаганда. Было образовано «Общество воинствующих безбожников».

В Сарепте часто устраивались публичные доклады о превосходстве коммунистической Конституции. Посещение их было обязательным для всех. Часто устраивались народные гуляния с танцами, музыкой, театральными представлениями.

Заводы и фабрики были национализированы, но вскоре остановились из-за нехватки сырья. Продукты питания были баснословно дорогими. Хлеб и муку можно было только выменять на какую-то дорогую вещь. Засуха принесла новые бедствия. Не уродились кормовые, зерновые, картофель, овощи, дыни, арбузы. Чтобы как-то выжить, с огромным риском для жизни и здоровья, ездили на товарном поезде в южные, более плодородные районы страны за мукой. Многие не выдерживали трудностей пути: заболели от простуд, инфекций и умирали. Например, Элла Беккер после поездки за мукой заболела менингитом и умерла. Внутрь вагонов попасть было невозможно, там везли товары, поэтому пассажиры ехали на крышах, на

буферах, зачастую падали с поезда и получали травмы, оставались без рук или без ног. С закрытием заводов и фабрик люди были выброшены на улицу, началась безработица. Все, что они получали, это 200 грамм черного хлеба в сутки. Рихард Лоретц писал: «Я, как церковный казначей, бывал почти в каждом доме и видел печальные картины холода, нужды, болезни и запустения. Как много вздохов и жалоб слышал я во время моих обходов, и слова утешения с трудом сходили с губ, так как не виделось выхода из всеобщего хаоса». Семьи коренных сарептян-гернгутеров были изгнаны из своих прекрасных, светлых, просторных домов и переселены в убогие домишки, или им были оставлены в их доме маленькие комнатки и коридоры. Особые гонения новое правительство устроило против священнослужителей. Пастор Юргенс с женой и 4 детьми за два года пять раз вынужден был менять место своего жительства. Наконец, для всей большой семьи пастора предложили одну комнату в бывшем Доме сестер. Но вскоре и ее отобрали, со всеми своими вещами поздней осенью его переселили в неотапливаемую ризницу кирхи. К тому же, община, в связи с наступившим голодом, не могла содержать его семью. В это время он получил приглашение от пяти маленьких немецких общин на Северном Кавказе, где экономическое положение было намного лучше, чем в Сарепте. Осенью 1920 года пастор Вальдемар Юргенс покинул Сарепту. С этого времени богослужения в кирхе проводил дьякон и иногда из Царицына приезжал пастор Шмидт.

Совершенно невозможно было купить какую-либо одежду. За несколько лет войны все поизносилось. Нужна была новая одежда. Для решения этого вопроса покупали мешки, распарывали их и шили новые женские платья, украшая их красными лентами, или мужские штаны. Плохо было с обувью: в холодное время года носили лапти, а летом ходили босиком. Можно было купить настоящую обувь на базаре: пара ботинок стоила 100 000 рублей, пара высоких сапог – 250 000 рублей, костюм – 500 000 рублей, фунт хлеба – до 5 000 рублей. Рабочие получали зарплату 20 000-25 000 рублей.

В это время в правительственных учреждениях и некоторых домах в Сарепте уже было электрическое освещение, но не во всех. Жители поселка изобрели новое освещение домов, так как лампы были национализированы. В пустые баночки из-под чернил опускали фитиль, проведя его через отверстие в крышке, и получалась маленькая «коптилка». На очередной праздник Рождества 1921 года около 40 членов общины пришли со своими «коптилками». С таким освещением кирха выглядела очень празднично. Прошло торжественное богослужение, но Рождественский праздник не принес радости. Не было Рождественской елки, подарков, выпечки к чаю. После праздников произошла новая серия необоснованных арестов, вероятно, для устрашения населения.

Церковное руководство Сарепты попало под строгий контроль административных чиновников, как и во всех регионах России. Антирелигиозная политика российского правительства привела к катастрофическим изменениям в правовом и материальном положении

лютеранских священнослужителей и повлекла за собой резкое уменьшение пасторов в стране. Они были лишены всех своих прав и привилегий. Многие пасторы эмигрировали в другие страны. Многие погибли в годы революционных событий и Гражданской войны. Некоторые были подвергнуты репрессиям как лица, поддерживающие белое движение и контрреволюционные мятежи. В эти дни хаоса и кровопролития особенно тяжкие времена переживали общины, которые находились в зоне боевых действий. А Сарепта была именно в такой ситуации. Поэтому следующий пастор был прислан в Сарепту Московской консисторией только в 1926 году.

Его имя Либориус Герборт Бенинг. Он родился 3 декабря 1862 года в Сарате (Бессарабия). После окончания теологического факультета Дерптского университета ординирован 28 ноября 1888 года. С 1889 по 1901 год пастор поволжской колонии Усть-Кулалинка (16 000 прихожан). В 1901 году выбран вторым пастором прихода Святой Марии в Саратове. В августе 1914 года по его инициативе при церкви был создан комитет для оказания помощи раненым во время войны и открыты два отделения лазаретов для их лечения, независимо от вероисповедания. Во время голода 20-х годов являлся активным участником помощи голодающим, координатором работы Шведского Красного Креста и Национального Лютеранского Совета, занимавшихся поставкой продовольствия в Поволжье.

В 1925 году под давлением Саратовского Губисполкома Бенинг вынужден был оставить свою должность. С 1926 по 1928 годы Бенинг был пастором Сарепты. В 1928 году он переехал в г. Астрахань, так как был избран пастором лютеранского прихода. В мае 1931 года 69-летний пастор и его жена были арестованы. Они находились под следствием в тюрьме в г. Саратове, там он заболел воспалением легких и перенес инфаркт. По ходатайству родственников и Шведского Красного Креста, через несколько месяцев пастор Бенинг был отпущен и вскоре умер.

На смену пастору Бенингу в 1929 году в сарептскую общину приехал пастор Константин Руш. Он родился в 1893 году в с. Гукк (Поволжье). После окончания гимназии поступил в Базельский Университет (Швейцария) на филологический факультет и учился там с 1909 по 1914 гг. По возвращении из Швейцарии был призван в царскую армию, с 1914 по 1917 годы – в должности писаря полка. С 1917 по 1921 год был писарем в Красной Армии. До 1924 года Константин Руш работал преподавателем Закона Божьего в начальной школе немецкой колонии Песковатка АССР Немцев Поволжья. С 1925 по 1928 годы он был студентом семинарии проповедников в Ленинграде. Руш был ординирован в 1928 г. Пастор Руш приехал в Сарепту в трудное время голода, разрухи и нищеты. Люди устали от безысходности, безнадежности, отчаяния. Молодой пастор искал выход из создавшейся ситуации вместе с членами своей общины. Что он мог посоветовать им? В это время в его руки попала газета центральной прессы об эмиграции немцев из России. Новости о возможном выезде немцев из России вдохновили его. Кажется, был найден выход. На ближайшем богослужении в кирхе он зачитал эту статью. Пастор дал надежду людям, что выход есть, эмиграция

возможна. Кто-то сообщил об этом в НКВД. Осенью 1929 года пастор Константин Руш был арестован по делу «Об эмигрантах», вместе с ним было арестовано 26 человек членов его общины. Все они в 1930 году были осуждены Тройкой ОГПУ по ст. 58-10 и 58-2 УК РСФСР, получили от 8 до 10 лет тюремного заключения. Константин Руш был приговорен к 10 годам лишения свободы и выслан в Коми АССР, в 1942 году был расстрелян. В 1989 году Руш был реабилитирован. Вместо Константина Руша общину возглавил местный житель Василий (Вильгельм) Мейдер. Долгое время он был проповедником и органистом в кирхе. В 1938 году Мейдер также был подвержен репрессиям. Члены лютеранской общины Сарепты во время Великой Отечественной войны прошли через трудные и трагичные годы депортации в Северный Казахстан и Сибирь, через непосильный изнурительный рабский труд в трудармии, и как преступники через долгие годы спецпоселения. И только много лет спустя после смерти Сталина они были реабилитированы и смогли вернуться в свою родную Сарепту.

В 1930 году городскими властями было принято решение о закрытии кирхи в Сарепте. Но благодаря сопротивлению верующих она была закрыта только в 1936 году. В кирху пришли комсомольцы и выбросили все церковные атрибуты на улицу. В том числе их руками был разрушен и прекрасный орган, трубы которого были разбросаны по Церковной площади. Кирху переоборудовали под кинотеатр «Культармеец», а в конце 80-х годов – в складские помещения 3-го Промторга. Она представляла собой грязное, пыльное, полуразрушенное здание. По ходатайству администрации Красноармейского района г. Волгограда и дирекции вновь образованного музея-заповедника «Старая Сарепта» кирха была восстановлена по старинным немецким чертежам в 1996 году на пожертвования немецкой евангелическо-лютеранской общины Берлин-Бранденбург. Реставрационные работы проводила югославская фирма «Энергогране».

Сейчас здесь собирается община численностью около 180 человек. Они являются потомками тех первых жителей Сарепты, прошедших когда-то суровый период испытаний. Как и в старинные времена, звучит орган, поет церковный хор, звучат проповеди. Пастор призывает людей к прощению, толерантности, любви.

Научный сотрудник МЗСС
Конопатова Н.М.